

Вопросы Дидро Екатерине II о состоянии России: некоторые уточнения

Когда в 1988 г. Жорж Дюлак опубликовал свою ценную статью о рукописях Дидро, хранящихся в СССР, то в рубрике «Questionnaires et autres manuscrits» он упомянул и об опросном листе Дидро, адресованном Екатерине II, указав, что этот источник ставит перед нами текстологическую проблему. О какой проблеме идет речь?

Впервые вопросы Дидро и ответы Екатерины II были опубликованы по автографу императрицы П. К. Щербальским, русским историком и публицистом, в петербургском журнале «Заря» в 1870 г. Французский текст сопровождался переводом нескольких его фрагментов на русский язык. Щербальский сообщил, что оригинал под названием «Questions et Réponses» находится среди бумаг А.В. Храповицкого, одного из статс-секретарей Екатерины II в 1783–1793 гг. Не зная, кто именно задавал вопросы, Щербальский предположительно приписал их графу Луи-Филиппу де Сегюру, полномочному министру Франции в России в 1785–1789 гг.

Десять лет спустя, в 1880 г., П. И. Бартнев опубликовал этот документ на французском и русском языках в *Русском архиве*. При этом Бартнев заявил, что источник его – «собственноручная рукопись, хранящаяся в Государственном Архиве». Именно Бартнев впервые указал, что вопросы задавал Дидро. Однако он ни словом не обмолвился о публикации Щербальского возможно, не подозревая о ее существовании. Уже через четыре года В. А. Бильбасов перепечатал выборку из издания Бартнева – вопросы Дидро Екатерине без ее ответов – в своей известной книге о Дидро в Петербурге. При этом он уточнил, что опубликованная Бартневым рукопись хранится на самом деле не в Государственном Архиве, а в Московском публичном и Румянцевском музеях, в бумагах Храповицкого под № 1349. На это замечание долго никто не обращал особого внимания. Текст, изданный Бартневым, был перепечатан без дополнительных разысканий М. Турнё в 1899 г., а затем Ж. Ротом и Ж. Варлоо в 1966 г. Ж. Дюлак впервые сравнил текст, опубликованный Бартневым, с автографом Екатерины, упоминавшимся Бильбасовым. Он констатировал разницу между ними и предположил, что на самом деле у Бартнева был иной источник – какая-то неизвестная рукопись из Государственного Архива, о которой тот и упоминал. Сравнив обе версии, он пришел к выводу, что рукопись из портфеля Храповицкого – бесспорный автограф Екатерины – текст «*bien meilleur que celui de Bartnev, qui comporte plusieurs phrases incompréhensibles et une longue interpolation d'origine inconnue*».

Вспомним, однако, что, по словам Бартнева, он опубликовал также «собственноручную рукопись». Но чью? Дидро? Или все-таки Екатерины II? Вернемся вновь к екатерининской рукописи из фонда Храповицкого. Что нам о ней известно? Она поступила в Отделение рукописей Московского публичного и Румянцевского музеев в конце 1871 г. в составе собрания, оставшегося после смерти известного писателя Н. В. Сушкова и принесенного в дар вдовой покойного Д. И. Сушковой. Значительную часть собрания составили собственноручные бумаги, письма, указы, литературные сочинения Екатерины II, попавшие к Н. В. Сушкову по наследству после дяди его А. В. Храповицкого (по матери, также известной писательнице М. В. Сушковой).

Сейчас эта рукопись под названием «Questions et réponses» хранится в Москве, в Отделе рукописей Российской Государственной Библиотеки, в фонде Храповицкого (323), в картоне 1349 под номером 2. Рукопись представляет собой сшитую тетрадь из 16 листов

(форматом 195 x 313 мм, 29 страницы в две колонки) с оборотами, обороты не пронумерованы.

Сравнив екатерининский автограф из фонда Храповицкого с публикацией Бартенева, мы пришли к заключению, что он опубликовал именно эту рукопись. Различия между ними сводятся, главным образом, к следующему:

1. Орфография и пунктуация в публикации Бартенева модернизованы.

2. Как порой случалось при публикации текстов в конце XIX в., Бартенов позволял себе изменять отдельные предложения Екатерины, считая, видимо, что тем самым способствует прояснению смысла ее высказываний. Однако даже этой цели он достигал отнюдь не всегда. Так, в разделе «Propriétés de terres et Agriculture» Екатерина объясняет Дидро, почему в 1763 г. она запретила мануфактурам приобретать землю в собственность. В ее рукописи читаем: «...parcequ'ils tiroit les hommes de la charue pour leurs faire devider dela laine ou dela soye et que les terres restoit en friche» (л. 6 об.). Бартенов неправильно транскрибировал слово «charue» как «chance», а затем решился «отредактировать» и все придаточное предложение. В итоге аргумент императрицы у него преобразился до неузнаваемости и утратил смысл: «...parce qu'ils fesaient les hommes de la chance pour leur faire dévider de la laine et de la soye et que les terres restaient en friche».

3. Некоторые различия имеются и в содержании обоих текстов. Прежде всего, именно эта последняя категория расхождений навела Ж. Дюлака на мысль о том, что речь идет о двух различных рукописях. Приведем два примера таких расхождений, которые представляются нам наиболее существенными для установления связи между автографом императрицы и публикацией Бартенева.

Отвечая на второй вопрос Дидро о количестве монахов и монахинь в России, Екатерина сообщает ему статистические данные. В рукописи из фонда Храповицкого Екатерина отвечает:

«Le nombre des Couvent d'hommes en Ukraïne est de 62. dans le reste dela Russie il y en a 163. ainsi la Russie entière n'a que 101 Couvent d'hommes de plus que la seule Province de l'Ukraïne. Le nombre de Couvent de filles de cette pieuse Province monte a 18. dans le reste de la Russie il y en a 68. entout 281 Couvent. La Russie Blanche non comprise dans ce calcul.»

В публикации Бартенева читаем:

«Le nombre des couvents d'hommes en Ukraïne est de 62; dans le reste de la Russie il y en a 163. Ainsi la Russie entière n'a que 101 couvents d'hommes de plus que la seule province de l'Ukraïne. Le nombre des couvents de filles de cette pieuse province monte И 18; dans le reste de la Russie il y en a 68 ; en tout 311 couvents. La Russie Blanche (est) non comprise dans ce calcul.»

Откуда же взялась цифра 311 у Бартенева? Ответ прост: он получил это число, сложив цифры, приведенные Екатериной ($62+163+18+68=311$). Обратив внимание на ее оговорку («La Russie Blanche non comprise dans ce calcul»), Бартенов, вероятно, предположил, что императрица заранее вычла из общего числа мужских и женских монастырей России число этих монастырей в Белоруссии, получила результат, а затем просто ошиблась при сложении этих цифр с общим числом монастырей на Украине. Между тем Екатерина применила оговорку только к конечному результату сложения (311) и хотела сказать, что в России и на Украине вместе взятых (не считая Белоруссии) всего 281 монастырь. Между прочим, в тексте самой ее оговорки на л. 2об. рукописи чья-то рука подчеркнула черным карандашом «Russie Blanche» и слева тем же карандашом начертала едва различимые сейчас слова: «между 1 – и 2 роздност ?». Вполне возможно, что перед нами – следы раздумий Бартенева над непонятным для него результатом подсчетов Екатерины. Как бы то ни было, он не понял

хода ее мысли и решил немного «подправить» императрицу: просвещенная монархиня всея Руси не могла показаться читателям слабой в арифметике.

Самое значительное расхождение между рукописью из фонда Храповицкого и публикацией в *Русском архиве* связано с большим фрагментом, отсутствующим в рукописи и появляющимся у Бартенева в тексте ответа императрицы на четвертый вопрос Дидро о классовом составе российского общества. Поначалу Екатерина и в рукописи, и в версии Бартенева называет четыре «класса»: «L'Eglise, la Noblesse..., les habitans des Villes... et les paysans», подробно объясняет их состав в России. Затем у Бартенева начинается текст, где речь идет уже о трех классах и безотносительно к России: «Les trois classes d'hommes font retentir les noms les plus imposans pour la dOfense de leurs prétentions : le seigneur de terre invoque les droits de la propriété, le marchand ceux de la liberté, le peuple ceux de l'humatiné...». Далее этот таинственный текст простирается в *Русском архиве* почти на две страницы и является главной отличительной чертой бартеневской публикации. Если бы мы избрали автограф Екатерины из фонда Храповицкого в качестве базового текста для критического издания опросного листа Дидро, а опубликованный Бартеневым текст считали самостоятельным его вариантом, мы бы, конечно, воспроизвели целиком этот странный фрагмент и попытались проанализировать его. Между тем нужды в этом нет: весь он целиком заимствован Бартеневым из дела «Заметки и выписки Екатерины II», не имеющего никакого отношения к вопросам Дидро, но хранящегося рядом с ним – под № 6 в том же картоне 1349 фонда Храповицкого в ОР РГБ. Документ этот представляет собой текст, видимо выписанный самой Екатериной из неустановленного пока политико–юридического трактата. Совершенно очевидно, что Бильбасов был прав и что Бартнев, издавая вопросы Дидро, опирался на рукопись не из Государственного Архива, а из Румянцевского музея. Обошелся он с ней очень вольно, в частности указав неверно ее местонахождение и включив в текст своей публикации совершенно посторонний фрагмент, просто лежавший рядом и показавшийся ему близким по содержанию.

Разъяснив путаницу, возникшую из-за небрежности Бартенева, мы, казалось бы, смело можем считать рукопись из фонда Храповицкого базовым текстом для современного критического издания этого источника. Однако дело обстоит сложнее. Как известно со времени публикации в *Русском архиве*, Екатерина II ответила далеко не на все вопросы Дидро. Часто она отвечала уклончиво («Je ne crois pas», «Je n'en sais rien»). К тому же, затрудняясь ответить на тот или иной вопрос по поводу промышленного и торгового состояния России, она во многих случаях отсылала Дидро к графу Эрнсту Миниху, главе Коммерц-коллегии (1770–1773), директору таможен «qui par sa place sait tout cela au bout de ses doigts». Дидро последовал ее рекомендации, собрал воедино все свои вопросы, не получившие удовлетворительного ответа, отчасти переформулировал их, пронумеровал и вложил в письмо на имя Миниха, датировав «31 janvier 1774». Дидро обозначил номерами 30 вопросов, однако кое-где под одним номером стояли несколько вопросов. В. А. Бильбасов пересчитал их и указал, что на их в общей сложности сорок. Он же обратил внимание, что в опубликованном Бартеневым тексте содержится лишь 28 вопросов, на которые Дидро не получил вразумительного ответа. Бильбасов не делает из этого несоответствия никаких выводов, вероятно предполагая, что Дидро адресовал Миниху не только прежние, но и некоторые дополнительные вопросы, которые не задавал императрице. Однако вопросы, направленные Миниху, имели общий заголовок: «Questions renvoyées par Sa Majesté Impériale à M. le comte de Munich», на который Бильбасов, вероятно, не обратил особого внимания.

Логичнее было бы предположить, что существовала какая-то другая, отличная от бартеновской и, возможно, более полная версия вопросов Дидро и ответов Екатерины.

Эту гипотезу подтвердила находка Эдоардо Тортароло в Германском Центральном архиве ГДР в Мерзебурге, фонды которого после объединения Германии вернулись в Берлин, в Прусский Государственный Тайный Архив. Среди бумаг маркиза Джироламо Луккезини (1751–1825), библиотекаря, чтеца, а с 1780 г. камергера Фридриха II, наш туринский коллега обнаружил краткий конспект вопросов Дидро и ответов Екатерины, сделанный рукой самого маркиза и датированный ноябрем 1780 г. В 1992 г. Тортароло опубликовал свою находку и сравнил ее с изданиями Турнё 1899 г. и Рота-Варлоо 1966 г., восходившими к версии Бартенева. Он заметил, что многие вопросы Дидро и ответы Екатерины, переданные Луккезини, отсутствуют в упомянутых изданиях. Установив это и ознакомившись с упоминавшейся работой Дюлака о рукописях Дидро в СССР, Тортароло понял, что публикация в *Русском архиве* отражает только часть вопросов Дидро, и сожалел лишь о том, что не имеет возможности ознакомиться с рукописью из фонда Храповицкого. Правда, при этом ему так и не удалось объяснить, какой же именно список опросного листа Дидро и каким образом попал на глаза Луккезини.

Между тем некоторые указания, помогающие ответить на эти вопросы, содержатся в переписке (отчасти опубликованной) между принцем Генрихом Прусским, Екатериной II и Фридрихом Мельхиором Гриммом. Последовательность событий такова. Побывав вместе с Дидро в Петербурге, Гримм пускается в обратный путь 30 апреля 1774 г. Он сопровождает братьев Н. П. и С. П. Румянцевых, направляющихся на учебу в Лейденский университет. Проездом через Кёнигсберг, Варшаву и Дрезден, 10 июня они прибывают в Берлин, 17 июня наносят визит Фридриху II в Потсдаме. 24 и 25 июня Гримм проводит без Румянцевых в Рейнсберге у родного брата короля – принца Генриха Прусского, причем не только в качестве давнего знакомого (принц получал его *Correspondance littéraire* в 1753–1754 гг.), но и как лицо, удостоившееся особого доверия Екатерины II. Сам принц сообщает императрице о пребывании у него Гримма в письме от 29 июня. Из него становится ясно, что гость либо мельком показал принцу список вопросов Дидро и ответов Екатерины, либо как-то иначе возбудил его любопытство, дав понять, что располагает этим текстом, но не может передать его для ознакомления без прямого разрешения императрицы. В письме от 5/16 июля Екатерина изъявила согласие с просьбой принца. Принц был в восторге. 15 августа он поблагодарил императрицу и вскоре получил искомый список. Он подтвердил его получение в письме Гримму от 21 января 1775 г. Тот переслал фрагмент этого письма Екатерине, приложив его к своему собственному письму. Наконец, 11 февраля 1775 г. принц сообщил из Берлина о получении желанной рукописи самой Екатерине.

Итак, список, оказавшийся в руках принца, был изготовлен стараниями Гримма и переслан им в Берлин. Вероятнее всего, именно этот список и попал в 1780 г. в руки Луккезини. Учитывая, что рукопись принадлежала Генриху Прусскому и что конспект Луккезини хранится в Прусском Государственном Тайном Архиве в Берлине, сам список мог также оказаться в этом хранилище. Осенью 1999 г. Автору данного исследования посчастливилось работать в нем. Одним из первых результатов этой работы стало обнаружение в фонде Генриха Прусского полной версии вопросов Дидро и ответов Екатерины о состоянии России.

Рукопись (GStA, I. NA Rep. 92 Prinz Heinrich V IV. Nr. 16.) представляет собой четыре несшитых и пронумерованных тетрадки из 22 листов (форматом 18,3 x 23,3 см; 43 страницы в две колонки). На тетрадках сохранились следы двойных сгибов, показывающие,

что, вероятно, перед отправкой рукопись была вложена в конверт. Бумага «D & C Blauw». Поскольку Grimm имел самое непосредственное отношение к изготовлению этой копии, представляется весьма существенным, что именно эта бумага широко применялась для изготовления выпусков *Correspondance littéraire* за 1774–1776 гг. Прделанная Уллой Шельвинг работа по идентификации переписчиков *Correspondance littéraire* позволяет высказать предположение, что копия написана рукой писца (имя которого пока не установлено), поступившего к Майстеру в конце 1774 – начале 1775 г. и проработавшего у него до 1785 г. Очевидно, что копия была изготовлена в промежуток времени между последней декадой октября 1774 г. (Grimm вернулся в Париж 20 октября) и началом января 1775 г. (принц подтвердил получение рукописи 21 января).

Каковы же особенности этой рукописи по сравнению с московской версией, известной нам по автографу Екатерины из фонда Храповицкого?

Берлинский список, прежде всего, почти в два раза длиннее. Мы впервые открываем для себя целые рубрики, в которые группировались неизвестные до сих пор вопросы Дидро: «Копи» («Mines»); «Торговля золотом и серебром» («Commerce des matières d'or et d'argent»); «Изделия из железа и меди» («Ouvrages de fer et de cuivre»); «Соль» («Sel»); «Рыболовство» («Pêche»); «Мануфактуры вообще» («Manufactures en général»); «Шерстяные ткани» («Étoffes de laine»); «Шелковые ткани» («Étoffes de soie»); «Льняные и хлопчатобумажные ткани» («Toiles de lin et de coton»); «Изготовление головных уборов» («Chapellerie»); «Мыло» («Savon»); «Производство сахара-рафинада» («Raffinerie de Sucre»); «Производство стекла» («Verrerie»); «Чулки и трикотаж» («Bas et ouvrages tricotés»); «Производство бумаги» («Papeterie Librairie»); «Типографское дело» («Imprimerie Librairie»); «Управление торговлей» («Administration du Commerce»); «Судопроизводство» («Jurisprudence»); «Перевозки» («Roulage»); «Мореплавание» («Navigation extérieure»); «Внутреннее судоходство» («Navigation intérieure»); «Страховое дело» («Assurances»); «Ярмарки» («Foire»); «Меры и весы» («Poids et mesures»); «Деньги» («Monnaies»); «Кредитные бумаги» («Papiers de crédit»); «Государственные доходы» («Revenus publics»); «Государственный долг» («Dette publique»); «Богатство» («Richesse»); «Роскошь и нищета, две сходящиеся крайности» («Luxe et Mendicité, deux extrêmes qui se touchent»); «Обмен» («Change»). Таким образом, в нашем распоряжении оказались дополнительные сведения о том, что именно приехавший в Петербург Дидро знал о России, а что стремился узнать. Теперь исследователи смогут с большим основанием судить о том, откуда Дидро черпал информацию о России и насколько достоверными были ответы Екатерины на его вопросы. Примечательно, что название одной из рубрик – «Luxe et Mendicité, deux extrêmes qui se touchent» вообще сформулировано в виде принципа, то есть указывает на активную позицию философа.

Нам ничего не известно о рукописи, с которой выполнялась копия, предназначавшаяся для принца Генриха. Расхождения между берлинской копией и собственноручным списком Екатерины, хранящимся в ОР РГБ, могут объясняться обычными издержками копирования, однако, как минимум, в части, содержащей ответы императрицы, они, очевидно, связаны с вмешательством Гримма. Как правило, установить, с какой из этих двух категорий расхождений мы имеем дело, не представляет особого труда, но так происходит не всегда. Не исключено, что прежде, чем доверить рукопись Гримму, Екатерина поручила одному из своих секретарей выправить ее, однако у нас нет тому никаких доказательств. Мы можем лишь констатировать, что по сравнению с московским автографом Екатерины берлинская копия была переработана и что эта работа проходила под контролем Гримма. Французский язык ответов императрицы был улучшен, к ее фразам были добавлены отдельные слова или

целые группы слов, второстепенные детали отброшены. Трудно сказать, в какой степени Екатерина могла одобрить подобную правку. Однако Гримм почти наверняка не осмелился бы править рукопись, если бы не был уверен в том, что идет навстречу пожеланиям императрицы или предвосхищает их. К своей задаче редактора-корректора он отнесся очень серьезно; как и перед рассылкой выпусков *Correspondance littéraire*, он лично перечитал весь переписанный набело текст и внес в него последнюю правку: можно насчитать шесть его помет.

Ответы Дидро, уже известные по московской рукописи, мало чем отличаются в берлинской копии. Некоторые незначительные расхождения носят чисто орфографический характер. Между тем во многих случаях берлинская копия (которая выполнялась отнюдь не по московскому автографу) содержит более качественный текст, чем екатерининская рукопись. Как бы то ни было, сегодня мы можем утверждать, что несмотря на бесспорную ценность последней, она представляет собой фрагментарный список, далеко не свободный от искажений и пропусков. Базовым текстом для нового критического издания вопросов Дидро Екатерине следует считать именно берлинскую версию. Это издание должно впервые увидеть свет в 32-м номере журнала *Recherches sur Diderot sur l'Encyclopédie* за 2002 год.